

Н. Н. ЦВЕТАЕВА

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ НАРРАТИВЫ КАК РЕСУРС ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

В статье излагается история создания Биографического фонда Социологического института РАН и анализируются некоторые методологические и методические ориентиры работы автора статьи с материалами Фонда по изучению социально-культурных изменений.

Ключевые слова: биографический фонд, автобиографические нарративы, изучение социально-культурных изменений, методологические и методические ориентиры.

История создания Биографического фонда

Биографический фонд был создан в институте 25 лет назад, в 1989 году. Собрание Фонда составляют автобиографические свидетельства обычных людей (их нарративы¹), а также биографические интервью, генеалогии, дневники, семейные хроники и материалы нескольких тематических биографических конкурсов. Эти «документы жизни» поступали и поступают в Фонд разными способами. Первоначально, когда Фонд только создавался, это были разного рода автобиографические нарративы, рассказы о прожитой жизни, которые присылались в Фонд после обращения к населению через ленинградские (тогда) радио и газеты. Затем Фонд провел несколько биографических тематических конкурсов. Кроме того, в Фонде есть и биографические интервью, которые проводились его организаторами с целью понять специфику каждого метода сбора таких материалов, а также уточнить и расширить предмет исследований. Конечно, в силу того, что люди рассказывают или описывают истории своей жизни, когда большая часть жизни уже прожита и есть время подводить какие-то итоги, большую часть Фонда составляют автобиографические свидетельства представителей старших советских по-

¹ Термин «нарратив» в переводе с английского — «повествование», «рассказ». В западной социологии этот термин используется для обозначения любых текстовых данных «качественного» характера. — Подробнее о проблемах использования этого термина см.: Ярская-Смирнова 1997: 38–61; Пузанова, Троцук 2003: 56–82.

колений. В связи с этим одной из проблем развития Фонда является проблема расширения имеющихся в нем материалов и привлечения к написанию такого рода текстов более молодых людей. Однако надо признать, что письменная культура такого рода уходит. И даже проведение Фондом биографических конкурсов, как показывает практика, становится все более проблематичным, так как количество присылаемых на такие конкурсы материалов все время уменьшается². Тем не менее собрание Фонда постоянно пополняется, и сегодня Фонд насчитывает более 700 единиц хранения.

Основная идея создания Фонда и основной мотив проблематизации собираемых в нем автобиографических свидетельств обычных людей формулировалась как изучение социально-культурных изменений на уровне повседневности. Эта формулировка была подсказана как самой жизнью, происходившими тогда в стране радикальными переменами, так и изменениями в методологии социального исследования. Уже в начале 80-х годов прошлого века ведущие социальные исследователи стали определять культурную и познавательную ситуацию, в которой оказался мир, как распад ориентирующих ценностных систем и недоверие к так называемым «большим нарративам». Новая перспектива социального познания *предполагала* особое внимание к микроуровню социальной жизни, к вариативности и множественности культурных и языковых практик, традиций, идеологий, форм жизни, которые уже не охватывались традиционными схемами классической социологии. С этих позиций интерпретативный подход качественного социологического исследования, в рамках которого изучаются автобиографические нарративы, был призван описать эту сложность и неоднозначность быстро меняющегося мира и тем самым расширить горизонт понимания происходящих и происходивших в мире и обществе социально-культурных изменений³.

² При проведении биографических конкурсов респондентам предлагается описать их жизненный путь с точки зрения, например, их профессиональной карьеры или участия в каком-то социально значимом событии. Наиболее яркий и успешный вариант проведения биографических конкурсов под тем или иным общественно-значимым девизом на протяжении десятилетий демонстрировала польская социология, сформировавшая богатую традицию биографических исследований.

³ О переменах в методологии социального познания см.: Козлова 2000: 22–32; Голофаст 2000; Рустин 2002: 7–24.

Методологические и методические ориентиры анализа автобиографических нарративов

В отличие от начала 1990-х годов, когда создавался Фонд и когда в российской социологии начал формироваться интерес к качественным методам и к автобиографическим свидетельствам обычных людей, сегодня уже есть отечественные работы по методологии качественного социологического исследования и сегодня такие свидетельства уже признанный в отечественной социологии источник социального знания⁴. Автобиографические нарративы дают возможность *проблематизировать* разные стороны социального опыта как на индивидуальном и групповом уровнях, так и на уровне общества в целом. Исследовательской проблематикой становятся социальная обусловленность жизненного пути, коллективное историческое сознание, интернализация культурных образцов, типы культурных ориентаций и стилей жизни, стандарты профессиональной карьеры, выбор и смена профессий, механизмы трансляции ценностей и т.д. И если представлять возможные перспективы изучения такого эмпирического материала, то кажется совершенно очевидным, что он может быть использован в самых разных тематических направлениях. Здесь, прежде всего, возникают проблемы интереса к такому материалу и формулировки исследовательских задач, а значит, и разработки методов и методик его анализа.

Сегодня, также в отличие от начала 1990-х, уже известны разнообразные методы анализа такого рода текстов⁵. Но использование того или иного метода всегда тесно связано со структурой и особенностями имеющегося материала и с направленностью исследовательского интереса, с проблематизацией и тематизацией этого материала. И, если посмотреть на публикации по результатам исследований автобиографических нарративов, становится очевидным, что в основе этой работы лежит разная исследовательская логика, разные методы и стратегии. Конечно, во многом эту ситуацию определяет утвердившаяся установка на полипарадигмальность социальной науки, свободу и своеобразие исследовательских методик. Можно также предположить, что универсальных методик такой работы и быть не может, так как интерпретация нарративов, как и составление методик их анализа, это итерационный процесс, который включает возвратно-поступательное

⁴ См., например: Семенова 1998; Готлиб, 2004.

⁵ О разнообразии существующих методов анализа текстов см., например, Тичер et al. 2009.

движение по герменевтическому кругу и предполагает целый ряд мер, направленных на корректировку программы и методик исследования, на их уточнение, аналитическое «перечитывание» и многоступенчатое кодирование материала. Практическую стратегию такого рода работы хорошо описывает английский социальный историк П. Томпсон, говоря о том, что нет установленной процедуры, по которой может быть направлен постоянно развивающийся поиск интерпретации таких материалов, что обнаружение информации и развитие интерпретации идут параллельно, «рука об руку» (Томпсон, 2003). В результате проблемы и гипотезы, которые исследователь надеется раскрыть, в процессе работы постоянно корректируются, уточняются. Отчасти поэтому всегда трудно представлять результаты такого исследования, результаты итерационного процесса и «восхождения к теории».

Таким образом, как и в любом качественном исследовании, проблематизация и тематизация автобиографических нарративов является открытым процессом, который не связан напрямую с количеством материала и в большой степени зависит от теоретической чувствительности исследователя, его знаний и опыта (Страус, Корбин, 2001: 21). Так как речь идет о поисках новых признаков исследуемого предметного поля, а не о распространенности и статистической репрезентативности какого-то уже известного признака или явления, то методы отбора такого материала тесно связаны с целями исследования⁶. Между изучаемой исследователем проблемой и формируемой им «выборкой» автобиографических нарративов устанавливаются довольно гибкие отношения. В принципе даже единственный полный рассказ о прожитой жизни может позволить сформулировать тему (проблему) исследования, а тем более когда у исследователя имеются какие-либо возможности для сравнительного анализа. Однако дать ключ к формулировке темы может и неполнота представленной в нарративе информации о каких-то этапах жизненного опыта рассказчика⁷. В случае такого рода «умолчаний» исследовательской проблемой может стать целый ряд вопросов: о чем и почему человек умалчивает, что стоит за этими умолчаниями, какие слои автобиографического повествования

⁶ Наиболее известными методами отбора эмпирического материала считаются метод «снежного кома», квотная выборка и «теоретическое насыщение». Об этих методах см., например: Фукс-Хайнригц 1994: 23–24; Ильин 2006.

⁷ В данном случае речь идет о письменных автобиографиях, в которых человек свободно рассказывает историю своей жизни и не связан вопросами и присутствием интервьюера.

открыты, а какие — скрыты, какова динамика биографического сознания и что представляет собой биографический импульс — желание человека рассказать историю своей жизни (Голофаст, 1997: 23–26).

Иногда тематизация автобиографических нарративов задается уже методом их сбора. Так происходит, например, при проведении биографических конкурсов. В этом случае участникам конкурса предлагается описать их жизненный путь с особым вниманием к девизу конкурса и выделенным исследователями темам. Однако надо отметить, что таким образом организованная тематизация нарративов определенным образом сужает исследовательское поле. В такого рода тематизированных нарративах неизбежно проявляется давление социально-культурных форм, наработанных как историей общества, так и доминирующими в данный момент времени нормативными дискурсами⁸. И хотя в нетематизированных, спонтанно написанных нарративах давление этих форм тоже достаточно очевидно, но все же они в большей степени открыты для постановки исследовательских вопросов. В них ярче, чем в тематизированных нарративах, представлены ценностные установки практического сознания, типизации обыденного языка, конечные смыслы значений, которые позволяют обнаружить, как в повседневности работают нормы, создаваемые на верхних уровнях культуры, и как связаны разные пласты ценностного сознания общества⁹.

Кроме того, нетематизированные автобиографические нарративы предоставляют еще один значимый вариант проблематизации. Такие спонтанно написанные тексты обращают внимание на причины, вызывающие желание рассказать о своей жизни. В этой связи можно, например, согласиться, что биографический импульс (желание рассказать о своей жизни) возникает как потребность решить какую-то экзистенциальную проблему и что в таком нарративе человек стремится согласовать индивидуальный и социальный полюсы своей жизни (Бургос 1992: 125).

⁸ Проблему «биографической иллюзии», когда автобиографический рассказ является производным от господствующего дискурса, заимствованием взгляда на жизнь у социально-культурных форм, в свое время сформулировал П. Бурдьё. См.: Бурдьё 2002: 75–81.

⁹ Постановка проблемы взаимосвязи разных пластов ценностного сознания общества в какой-то мере созвучна работам социальных историков школы «Анналов», в которых утверждалась необходимость изучения ментальностей, обыденных представлений, привычек сознания людей, которые надо отличать от идеологических формул, постулируемых нормативными документами эпохи, и прояснять, как эти дискурсы — дискурсы «верха» и «низа» — соотносятся между собой, их пересечения и взаимовлияния.

В любом случае обнаружение мотивов создания спонтанных автобиографических нарративов открывает целый ряд возможностей анализировать природу биографического сознания.

Важно также отметить, что при аналитическом чтении автобиографических нарративов (при первичном кодировании семантического поля, которое они образуют) можно натолкнуться и на те проблемы, которые исследователь не увидел, планируя их сбор (например, организацию тематического биографического конкурса). И такие «неожиданно» возникшие проблемы могут быть очень плодотворными и рождать новые гипотезы, а иногда и задавать новое направление уже запланированному исследованию. В то же время затраты времени и сил на аналитическое прочтение и кодирование автобиографических нарративов могут и не дать достаточно хороших результатов, позволяющих раскрыть изначально сформулированную проблему. Другими словами, аналитическая работа с такими текстами трудно поддается планированию и во многом, как уже говорилось, является открытым процессом.

Еще один важный ориентир исследовательской работы с автобиографическими нарративами — это сформулированные в методологии качественного исследования два типа интерпретации — реалистический и нарративный анализы (Готлиб, 2004: 184). Считается, что в рамках реалистического анализа исследователь анализирует нарративы как свидетельство о социальной реальности, ориентируясь на соответствие между историей жизни и рассказом о ней и пытаясь воссоздать детали той или иной социально-исторической реальности. Так, например, с помощью таких нарративов можно выяснить, как меняются условия труда или тип социальной мобильности¹⁰. Иными словами, в рамках реалистического анализа исследователь ориентируется на получение знания о каких-то сегментах социальной реальности, которая стоит «за текстом», а язык текста рассматривается как посредник между исследователем и реальностью. Возможно, что эта ориентация на воссоздание сегментов социальной реальности дает основание Полу Томпсону называть этот тип интерпретации реконструктивным анализом и считать, что результаты этого анализа даже можно использовать для статистических размышлений (Томпсон, 2003).

¹⁰ В качестве примера можно привести исследование Д. Берто, посвященное анализу социальной мобильности. См.: Берто Берто-Вьям 1992: 106–122.

Другой тип интерпретации — нарративный (семантический) анализ — в принципе считается междисциплинарным методом анализа текстов и имеет довольно большую историю, хотя разные исследователи по-разному определяют и понимают теорию и практику такого анализа. В целом нарративный анализ представляет собой совокупность конкретных приемов работы с текстами, которые различаются по степени формализации и фокусу исследовательского интереса¹¹. В рамках нарративного анализа рассказанная история жизни интерпретируется во взаимоотношениях с более широким культурным контекстом, со сложившимися в обществе классификациями и ценностными иерархиями, наработанными культурой и историей общества. Этот тип интерпретации считается средством *содержательного* анализа социальной жизни, который позволяет описать «большие нарративы», те мифы и идеологемы, которые имели хождение в стране в тот или иной период ее истории.

В нарративном анализе интерпретируются не факты, не сегменты социальной реальности, а смысловые структуры автобиографических нарративов, которые возникают из переплетения описываемых в них реалий жизненного опыта и наличествующих в культуре общества форм объяснения и осмысления этого опыта. С помощью этих форм авторы нарративов упорядочивают свои повествования, придавая им связность и сюжетную организованность¹². Эти формы, как справедливо полагает Мартина Бургос, помогают нам жить, дают чувство осмысленности (Бургос 1992: 124). А Пол Томпсон образно называет типичные формы объяснения, используемые в автобиографических рассказах о прожитой жизни, «мифами, которыми мы живем» (Томпсон 2003: 273). Исследование этих форм (лингвистических ресурсов, нормативных дискурсов, которые используются в автобиографических нарративах для презентации опытов жизни) позволяет понять и описать ценностные установки и социальные представления общества в разных сегментах культурного поля, а также идентифицировать правила и нормы, которых придерживаются люди, мотивируя свои решения, выборы и практики¹³.

¹¹ Наиболее подробно теория и практика нарративного анализа в социологии представлена в работе И. В. Троцук. См.: Троцук, 2006.

¹² Надо заметить, что сюжетная организованность текстов как важнейшая их характеристика отражается и в традиционном названии нарративного анализа — сюжетный анализ. См.: Ушакин 1999: 190.

¹³ Интерпретация автобиографических нарративов в какой-то мере созвучна задачам культуральной социологии, которую развивает Джеффри Александер. Он рассматривает культуральную социологию как изучение коллективных (интересубъективных)

Важно еще раз подчеркнуть, что в рамках нарративного анализа проблема объективности и достоверности свидетельств, которые представлены в автобиографических нарративах, не является главной. Довольно очевидно, что всегда можно написать или рассказать об одних и тех же событиях совершенно по-разному, в зависимости от ценностных установок автора нарратива и времени создания этого нарратива. Исследовательская стратегия нарративного анализа делает акцент как раз на субъективности свидетельств, представленных в нарративах, на тех субъективных повествовательных конструкциях, «формулах логики», которые порождены жизненным опытом авторов этих нарративов. Другими словами, нарративный анализ ориентирован не на истинность автобиографического повествования и его соответствие реальности, а на *истины опыта* авторов нарративов, на их опыт осмысления пережитого. И понимаются эти истины опыта только в процессе интерпретации, когда исследователь определяет тот социально-исторический контекст, в котором эти истины сформировались, а также те нормативные дискурсы, мировоззренческие системы, которые на них повлияли (Ярская-Смирнова 1997: 44).

С представленных здесь позиций была проведена интерпретация автобиографических нарративов Фонда и поэтапно реконструированы особенности социальных представлений и ценностных ориентиров нескольких поколенческих групп/когорт в их отношении к трем историческим периодам радикальных преобразований жизненного устройства российского общества. Цель исследования формулировалась как интерпретативный анализ поэтапной симптоматики происходивших в российском обществе социально-культурных изменений. Исследовались связи социальных представлений и ценностных ориентиров с разными пластами культурного поля (с социально-структурными и поколенческими характеристиками авторов биографических нарративов), а также с разными нормативными дискурсами, наработанными обществом в тот или иной период его истории. На первом этапе интерпретировались автобиографические нарративы людей крестьянского происхождения, которые описывали, как после Октябрьской революции 1917 года они «пережили» коллективизацию их крестьянских хозяйств и адаптировались к новой, советской, жизни.

социальных смыслов, которые базируются на «чувствах сердца» (то есть на общих моральных основаниях, эмоциях и ценностях) и которые оказывают влияние на формирование оценок индивидов и групп. Цит. по: Танчер, Скокова 2009: 30.

На втором этапе анализировались автобиографические нарративы участников биографического конкурса «Гляжу в себя как в зеркало эпохи» (1994 г.), которые описывали, как в их жизни отразились такая значимая веха истории страны, как «оттепель». На третьем этапе был проведен анализ автобиографических нарративов участников конкурса «Жить в эпоху перемен» (2000 г.), которые на рубеже веков подводили итоги переменам, произошедшим за последние 10–15 лет XX века. Результаты интерпретативного анализа представлены в ряде публикаций научных трудов Социологического института РАН (Цветаева 2009: 131–144; 2010: 220–231; 2011: 190–199).

Источники

- Берто Д., Берто-Вьям И.* Наследство и род: трансляция и социальная мобильность на протяжении пяти поколений // Вопросы социологии. 1992. Т. 1, № 2. С. 106–122.
- Бургос М.* История жизни. Рассказывание и поиск себя // Вопросы социологии. 1992. Т. 1, № 2. С. 125.
- Бурдые П.* Биографическая иллюзия // Интеракция, интервью, интерпретация. 2002. № 1. С. 75–81.
- Голофаст В.Б.* Ветер перемен в социологии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. 3, № 4. С. 31–42.
- Голофаст В.* Три слоя биографического повествования // Биографический метод в изучении постсоциалистических обществ. Материалы международного семинара. Санкт-Петербург 14–17 нояб. 1996 г. СПб., 1997. С. 23–26.
- Готлиб А.* Качественное социологическое исследование: познавательные и экзистенциальные горизонты. Самара: Универс-групп, 2004. 448 с.
- Ильин В.И.* Драматургия качественного полевого исследования. СПб.: Интерсоцис, 2006. 256 с.
- Козлова Н. Н.* Опыт социологического чтения «человеческих документов», или Размышления о значимости методологической рефлексии // Социологические исследования. 2000. № 9. С. 22–32;
- Пузанова Ж.В., Троцук И.В.* Нарративный анализ: понятие или метафора // Социология: 4М. 2003. № 17. С. 56–82.
- Рустин М.* Размышления по поводу поворота к биографиям в социальных науках // Интеракция, интервью, интерпретация. 2002. № 1. С. 7–24.
- Семенова В.В.* Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. М.: Добросвет, 1998. 292 с.

- Страус А., Корбин Дж.* Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
- Танчер В., Скокова Л.* Культуральная социология: «сильная программа» исследований смыслов социальной жизни // Социология: теория, методы, маркетинг. 2009. № 4. С. 30.
- Тичер С., Мейер М., Водак Р., Веттер Е.* Методы анализа текста и дискурса / пер. с англ. Харьков: Гуманитарный центр, 2009. 356 с.
- Томпсон П.* Голос Прошлого. Устная история: пер. с англ. М.: Весь мир, 2003. 368 с.
- Троуцк И.В.* Теория и практика нарративного анализа в социологии. М.: Изд-во РУДН, 2006. 246 с.
- Ушакин С.А.* Количественный стиль: потребление в условиях символического дефицита // Социологический журнал. 1999. № 3/4. С. 190.
- Фукс-Хайнриц В.* Биографический метод // Биографический метод: история, методология и практика / Институт социологии РАН. М., 1994. С. 23–24.
- Цветева Н.Н.* Логика жизни и логика идеологии через призму советской эпохи // Петербургская социология сегодня. Сборник научных трудов Социологического института РАН. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 131–144.
- Цветева Н.Н.* Биографический контекст социально-культурных изменений: резистентность к идеологическим нормам советского времени // Петербургская социология сегодня. Сборник научных трудов Социологического института РАН. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 220–231.
- Цветева Н.Н.* Биографические нарративы: межпоколенческие различия ценностной адаптации к социальным изменениям // Петербургская социология сегодня. Сборник научных трудов Социологического института РАН. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 190–199.
- Ярская-Смирнова Е.Р.* Нарративный анализ в социологии // Социологический журнал. 1997. № 3. С. 38–61.